

актантом одноместного глагола в абсолютиве): это прежде всего кореферентное опущение актанта при вставленном предикате и выбор инфинитивного/деепричастного оформления предиката, подчиненного глаголу *klan* - 'хотеть'. Автор отвергает аргументы И.А. Мельчука в пользу субъектной трактовки абсолютива во всех случаях, указывая, что его концепция основана на неоправданной генерализации свойств лабильных глаголов, которых в лезгинском языке в действительности не больше десятка; предлагается ряд тестов, различающих конструкции с лабильными глаголами и (внешне идентичные им) конструкции с опущением агенса: это прежде всего семантическое поведение глаголов в отрицательной и в императивной конструкциях, а также в конструкции "ненамеренного действия", где агенс кодируется аделативом: такая конструкция невозможна у переходных нелабильных глаголов¹. Доводы автора представляются убедительными (подробнее см. также [2]).

Итак, оценивая книгу в целом, можно сказать, что перед нами бесспорная удача —

¹ Приводимое автором сравнение этой конструкции с нидерландским *dativus incommodi* представляется не совсем корректным: если в дагестанских языках семантическим ядром конструкции является именно и только **ненамеренность** действия, то в "дательных" конструкциях семантическим ядром является **затронутость** лица в дативе соответствующим действием, по отношению к которому он вовсе не обязательно

описательная грамматика, понятная лингвисту любого направления, достаточно полная, эксплицитная, тщательная и вполне заслуживающая того, чтобы считаться современным образцом этого жанра. Не только кавказоведам, но и типологам это описание принесет большую пользу².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mel'čuk I.A. Is there an ergative construction in Lezgian? // Mel'čuk I.A. Dependency syntax: Theory and practice. Albany: Univ. of N.Y., 1988. P. 207–249.
2. Haspelmath M. On the question of deep ergativity: the evidence from Lezgian // *Papier zur Linguistik*, 1991. 44/45. 1/2, P. 5–27.
3. Кибрик А.Е. Типология эргативности // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 179–260.

является агенсом и вообще участником: предложение *Passer mortuus est Lesbiae* "у Лесбии умер воробей" не означает (в общем случае), что Лесбия — причина смерти воробья, пусть даже невольная.

² Последняя "ложка дегтя" рецензента: в книге издательства "Mouton", слышущего одним из лучших в Европе, хотелось бы видеть меньше опечаток; к наиболее досадным относится, например, пропуск фонемы /i:/ в таблице, посвященной правилам транслитерации лезгинских фонем (с. 28).

В.А. Паунгян

Sprachlicher Substandard I / Hrsg. von Holtus G., Radtke E. Niemeyer. Tübingen, 1986, 229 S.
Sprachlicher Substandard II (Standard und Substandard in der Sprachgeschichte und in der Grammatik). Niemeyer. Tübingen 1989, 246 S.; **Sprachlicher Substandard III** (Standard, Substandard und Varietätenlinguistik). Niemeyer. Tübingen, 1990, 278 S.

Впервые в мировой лингвистике языковой субстандарт, его лингвистическое описание, терминологическое понимание и исследование в отдельных этноязыках представлено суммарно в трех сборниках, выпущенных в Германии в 1986–1990 гг. Составители этих сборников — романисты Г. Холтус и Э. Радтке, посвятившие исследование субстандарта в романских языках многочисленные статьи и монографии, привлекли к рецензируемой публикации коллег разных лингвистических дисциплин. Благодаря такому широкому диапазону научных

исследований, посвященных субстандарту в различных этноязыках, лингвисты получили возможность познакомиться с его изучением в смежных дисциплинах и сравнить результаты, достигнутые коллегами по аналогичным проблемам.

В первом томе рецензируемого трехтомника помещены в основном общетеоретические статьи, авторы которых пытаются ответить на "установочные" вопросы: что такое субстандарт, каково его отношение к стандарту, где границы между ними, в чем региональная и национальная специфика

субстандартов разных языков и т.п. Норма и вариантность (У. Аммон), субстандарт и субнорма (Й. Альбрехт), грамматическое взаимодействие стандарта и субстандарта (Г. Холтус), эстетические потенции субстандарта (Э. Радтке), общие вопросы французского субстандарта (Х. Шмитт), диалектологические аспекты субстандарта (В. Фирек) – вот, в общих чертах тематический диапазон первого тома.

Статьи второго тома дают больший тематический и прагматический "разброс" данной проблематики. Здесь и общие очерки по изучению субстандарта в отдельных языках (румынском – К. Бохман; турецком – Л. Йохансон; канури – Н. Циффер), и разработка отдельных аспектов его анализа (синтаксис английского субстандарта и диалектов – К. Файс; генеративные синтаксические модели в испанском субстандарте на фоне стандартного синтаксиса – Б. Хенн-Меммесхаймер), и грамматическая интерпретация (взаимодействие стандарта и субстандарта в испанской грамматикографии – Х. Клайнндам, В. Шлёр; тенденции к субстантивации и адъективизации в современном португальском языке – Х. Крёлл), и, наконец, работа исторического типа – "vulgare illustre" как модель итальянского артистического языка в трактате Данте Аллигьери "De vulgari eloquentia" (Г. Холтус).

Третий том диалектически объединяет общетеоретическую и конкретно лингвистическую проблематику. К статьям первого типа относится дискуссионный очерк Г. Холтуса и Э. Радтке "Описание субстандарта в языкознании", статья К.И. Маттхайера о месте субстандарта в переходной зоне от диалекта к стандартному языку, работа Г. Берутто "Лингвистическое упрощение и вариативность субстандарта", продолжение статьи А. Йорна (из первого тома). Второе направление представлено статьями Э. Радтке "Развитие субстандартных тенденций в языковом поведении молодежи современной Италии", Т. Штеля "Начала структурного описания вариации во французском и итальянском языках", Э.Б. Феррера "Народная итальянская речь в сопоставлении с другими неформальными регистрами: попытка типологии субстандарта" и Т. Крефельда "Субстандарт как средство литературного стилетворчества" – о романе "La vie devant soi" Э. Ажар. В третьем томе помещен и общий индекс ко всей "трилогии", позволяющий легко ориентироваться

и в исследуемых проблемах, и в анализированных языках.

Разделение статей трехтомника на "общетеоретические" и "конкретно прагматические" достаточно условно, ибо почти все они совмещают попытку широкой интерпретации изучаемого явления с фактической проблемой, красной нитью пронизывающей весь трехтомник, – с проблемой терминологической. На ней в данной рецензии и хочется сосредоточить особое внимание.

Термин "субстандарт" не является новым в языкознании. Уже с его введения в лингвистический обиход в 30-е годы Блумфилдом наблюдается его широкое применение в лингвистике. Однако до сих пор этот термин отсутствует во многих лингвистических словарях. Так, например, лингвистические словари, изданные в Германии, исходят из понятия Standardsprache [1, 2] или рассматривают Varietätenlinguistik, не употребляя термина "субстандарт" [3]. В применении этого термина в лингвистике наблюдаются две традиции. Романская и англо-американская традиции рассматривают его с позиции отклонений от стандартного языка. Такой подход приемлем, по нашему мнению, и для славистики, несмотря на отрицательное отношение некоторых русистов к самому термину "стандартный язык" [4].

Другая традиция – немецкая – рассматривает субстандарт как сумму территориальных разновидностей, расположенных между диалектом и стандартным языком. Это связано с особым положением территориальных диалектов в Германии и их трактовкой германистами. В целом нужно отметить, что в германистике признанным является употребление термина "Nonstandard", в то время как в романском языкознании наряду с "Substandard" применяется также термин "Subnorm" [5]. Терминологическая проблематика затрагивается и в статьях, посвященных изучению субстандарта в отдельных этноязыках. Так, для румынского языка (автор – К. Бохман) определены три разновидности (Subvarietät) стандарта, которые, по мнению автора, входят в румынский субстандарт. Это наряду с региональной разновидностью и арго limba populară и limba familiară. Разнобой в употреблении терминов, однако, не препятствует всё продвигающемуся в разных этноязыковых регионах исследованию субстандарта, хотя многие лингвисты стараются избегать точного определения этого тер-

мина, опираясь в своих исследованиях на существующую языковедческую традицию в отдельных этноязыках. В славянских странах также существует богатая традиция изучения субстандарта, но здесь лишь в последние годы стали применяться такие термины, как "Nonstandard" [6], "нестандартная лексика" [7], хотя по нашему мнению и для славистики в целом и для русистики в частности с целью упорядочения терминологии следует употреблять термин субстандарт [8–10].

Информативны статьи трехтомника, отражающие исследования субстандарта в отдельных этноязыках. Остановимся подробнее на исследовании субстандарта во французском языке (автор – Ж. Шмитт). В современном французском языке трудно дать точное определение термину "уровень языка" (*niveau de langage*). Хотя дискуссия основывается на учении о трех стилях и ведется уже с XVI в., но в трактовке данного понятия до сих пор не фигурируют социологические и социолингвистические критерии оценки языковых явлений. Автор, исследуя субстандарт в синхронном и диахронном плане, пытается проанализировать языковые разновидности, снабженные эпитетами "populaire", "familier", "regional", "vulgaire" и др., и доказывает непригодность такой классификации для современного состояния французского языка, выдвигая проблему социальной нормы на передний план. Для исследования субстандарта в целом важно его описание в грамматике французского языка (Х. Клайндайм, В. Шлёр). Учитывая, что французский язык XVII–XX вв. не рассматривается как однородное целое, грамматика [11] выделяет в нем "langue parlée" и "langue écrite", различая "langue écrite courante", "langue littéraire", "langue poétique", а также социально маркированные "уровни языка" (*niveau intellectuel, niveau moyen, niveau populaire*) и ситуационно маркированные "регистры" (*registre familier, très familier, registre soigné/soutenu, registre très soutenu/recherché*).

Важно отметить, что автор статьи о субстандарте в современном английском языке (В. Фирек), заявляя о том, что (Standard)englisch остался, пожалуй, лишь в учебниках английского языка, различает в нем Nonstandard и Substandard. Однако отношение Nonstandard'a к Substandard'у не является однозначным. Субстандарт, по мнению автора, не имеет самостоятельной лингвистической системы и рассматривается

совместно со стандартным английским языком как совокупность его отклонений. Выступая за принятие более общего понятия "Nonstandard", автор отклоняет употребление термина "субстандарт" ввиду того, что он, наряду с "vulgar English", "popular English", входит в систему "uneducated English". При обращении к грамматике английского языка [12] другие авторы (Х. Клайндайм и В. Шлёр) наоборот, принимают этот термин, подчеркивая, что в этой грамматике под "Standard-English" подразумевается "British English" и "American English", которые рассматриваются как равные стандарты (а не "Scotland English", "Ireland English", "Canada English", "South Africa English", "Australia English", "New Zealand English"). Касаясь разновидностей (*variations*) английского языка, грамматики называют *region, social group, field of discours, medium, attitude*.

Проблематика, которой коснулся Й. Крамер в исследовании греческого языка, показывает насколько взаимовлияние "стандарта / субстандарта" приводит к парадоксальному явлению в развитии этноязыка: большинство носителей греческого языка пользуются субстандартом, в то время как стандарт употребляется только небольшой группой людей.

Субстандарт в отдельных этноязыках с точки зрения грамматики описан в статьях, посвященных испанскому (Х. Клайндайм, В. Шлёр), немецкому (Б. Хенн-Меммехаймер), португальскому языкам (Х. Кре́лл). Так, например, в статье, посвященной стандарту и Non-стандарту в испанских грамматиках (Х. Клайндайм, В. Шлёр), термин "кодификация грамматической нормы" понимается значительно шире, чем например, в исследовании У. Аммона, хотя бы уже потому, что в центре внимания "Реальной Академии" с самого его основания (1713) до нашего времени находится кодификация испанского языка, простирающаяся на все языковые уровни – лексику, грамматику, орфографию, орфоэпию. Исследование испанской грамматики как в диахронном плане, так и в сравнении с современными грамматиками английского, французского и немецкого языков показывает, что зачастую вопрос разграничения стандарта и нестандарта не играет существенной роли, даже если в одной из них [13] описывается латино-испанская разновидность испанского языка.

В целом три рецензируемых сборника

представляют интерес для всех специалистов, занимающихся проблемами разговорной лексики, просторечия, жаргона, сленга, аргота. Несомненно этот трехтомник заинтересует и славистов, уже давно и продуктивно обсуждающих проблематику стандарта. К стати, пожалуй, самым существенным недостатком рецензируемого трехтомника является именно отсутствие в нем не только специальных статей по славянским языкам, но и какого-либо серьезного обращения к славистической литературе вопроса. Показательно, что единственная ссылка на факт, например, русского языка здесь не только случайна, но и приводится лишь в виде общей аналогии с фонологическими явлениями турецкого и арабско-персидского языкового ареала (Л. Йохансон).

Вместе с тем значение славистической лингвистики в обсуждении проблемы, ставшей предметом рецензируемых книг, трудно переоценить. Слависты внесли немалый и весьма оригинальный вклад в решение многих как теоретических, так и практических вопросов субстандарта. Уместно напомнить, например, весьма плодотворную дискуссию по этому поводу, которую организовал журнал "Вопросы языкознания" в 60-е годы. Ее участники (О.С. Ахманова, Ю.А. Бельчиков, Р.Р. Гельгард, А.И. Домашнев, О.А. Лаптева, Н.Н. Семенюк, Ф.П. Филин и др.) высказали немало суждений, которые, несмотря на их противоречивость, сохраняют актуальность и в наши дни. Эта дискуссия стимулировала серьезную разработку проблем субстандарта в славянском лингвистическом мире и на многие годы определила стратегию и тактику подхода к "нестандартности" как особому языковому явлению — явлению необычайно сложному в пестрой и разноречивой картине славянских языков, нередко отражающему броские контрасты взаимодействия "стандарт/нестандарт" ("норма/антинорма").

Достаточно в данной рецензии отослать и к диалектической трактовке этой оппозиции представителем другого славистического региона, приверженца пражской лингвистической школы А. Едличкой [14], чтобы еще раз посетовать на досадную лакуну славистических интерпретаций в рецензируемом трехтомнике. В книге чешского ученого на славянском материале предвосхищаются некоторые трактовки субстандарта, которые мы находим в

германистических, романистических и тюркологических штудиях, опубликованных в трехтомнике. Ср., например, дискуссию А. Едлички с хорватским лингвистом Д. Брозовичем о понятии "стандартный язык" и "вариант стандартного языка", или диалектическую интерпретацию вариантной нормы [14, с. 71], либо уточнение термина "substandard", сопоставляемого с другими принятыми в европейской лингвистике обозначениями этого понятия [14, 43]. Немало полезного германисты, романисты и "субстандартисты" других языков ареалов могли бы почерпнуть и из работ таких славистов, как Б.А. Ларин, Б. Гавранек, В.В. Виноградов, В. Матезиус, Н.И. Толстой, Л. Андрейчин, В. Барнет, М. Докулил, Е.А. Земская, М. Ивич, М. Пилинский, В.М. Русановский, О.Б. Сиротинина, Л.И. Скворцов, Й. Топоришич. За каждым этим и другими именами стоят нетривиальные попытки так или иначе решить проблему статуса и функционирования субстандарта в разных славянских языках, попытки, в целом представляющие солидный опыт решения этой проблемы и в общелингвистическом ключе.

Впрочем, оставленная авторами рецензируемого трехтомника лакуна имеет и положительную, так сказать, "перспективную" сторону. Славистические интерпретации субстандарта вполне могут стать отдельным, IV-м томом, который вполне был бы "компатибельным" к уже выпущенным трем. Хочется надеяться, что его издатели так и сделают, превратив столь нужный лингвистам трехтомник в много томное "собрание сочинений" на субстандартную тему. Тем более, что объект этой темы в наши дни необычайно динамизировался и предлагает все новые и новые сюжеты для ее обработки.

Рецензируемое издание даст немалые возможности не только для ознакомления с оригинальными интерпретациями столь актуального явления в разных языковых традициях, как Substandard, но и осознать объективные трудности, обычно возникающие при попытках его излишне обобщенной оценки. И хотя, как показывает материал сборников, "плюрализм мнений" в трактовке Substandard'a остается доминирующей тенденцией, опыт подобного "многорегионального" исследования, несомненно, поможет лингвистам, занимающимся нестандартном, лучше понять друг друга.

1. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch, Heidelberg, 1979.
2. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft, Stuttgart, 1983.
3. Holius G., Metzeltin M., Schmitt Ch. Lexikon der Romanistischen Linguistik, Tübingen, 1988.
4. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 189.
5. Müller B. Das Französische der Gegenwart, Varietäten, Strukturen, Tendenzen, Heidelberg, 1975.
6. Hinrichs U. Gesprochenes Slavisch und slavischer Nonstandard // Zeitschrift für slavische Philologie, 1992. Bd 52, Hf 11.
7. Хомяков В. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // ВЯ. 1992, № 3.
8. Lehfeldt W. Zum Stand der Erforschung der nichtstandardsprachlichen Existenzformen des Russischen // Die Welt der Slaven, 1991. Jg. XXXVI, 1 – 2.
9. Jachnow H. Substandardsprachliche Varianten des Russischen und ihre linguistische Erfassung // Die Welt der Slaven, 1991. Jg. XXXVI. 1 – 2.
10. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика/Russistik, 1993, № 2.
11. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. P., 1986.
12. Quirk R. et al. A comprehensive grammar of the English language. L.; N.Y. 1985.
13. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973.
14. Jedlička A. Spisovny jazyk v současné komunikaci, Praha, 1978.

З. Кёстер-Тома

Иванова В.Ф. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1991 год. 192 с.

В кругу лингвистических дисциплин место орфографии определилось вполне отчетливо: она разрабатывает те правила преобразования устной речи в текст, которые призваны поддержать только одно из возможных написаний, признаваемое нормативным. Видимо, явная прагматичность такой задачи предопределила устойчивый взгляд на орфографию как на сугубо прикладную область лингвистики. Многочисленные учебные пособия дидактико-регламентирующего типа заметно укрепляют это мнение.

В реальности, однако, орфография – средоточие глубинных языковых закономерностей, адекватностью которых проверяются на прочность действующие орфографические правила. Именно с такой позицией написана и эту позицию проясняет рецензируемая монография В.Ф. Ивановой, в которой проблемно и содержательно раскрыты условия формирования орфографических ситуаций, объем и природа орфограмм, взаимодействие принципов правописания, по-разному регулирующих выбор одного из конкурирующих знаков.

Подобную тематику В.Ф. Иванова разрабатывает достаточно давно. В ее новой книге воспринимается как узнаваемое: об-

щая структура анализа с органичным переплетением проблем графики и орфографии; наконец остается неизменной исходная позиция автора – последовательного сторонника Ленинградской фонологической школы (ЛФШ), чьи идеи экстраполируются ею в область фонемографии.

Чем же в таком случае оправдано появление этой книги?

Прежде всего тем, что в ней обобщен опыт теоретического осмысления русского письма за последнее двадцатилетие. Пожалуй, ни одна серьезная публикация не осталась незамеченной. Поэтому библиографические списки, сопровождающие все разделы книги, приобретают самостоятельную ценность и, несомненно, привлекут внимание специалистов (см. с. 34–35, 76, 128–129, 144, 159, 164, 166, 167, 173–174, 191).

Рецензируемую книгу делает актуальной последовательно реализованное стремление объективно и доказательно прояснить терминологические разночтения – неизбежное следствие двух разных подходов к понятию фонемы, точнее к тому, как обобщаются в фонему звуки слабых позиций. Оставаясь верной идеям ЛФШ, В.Ф. Иванова предлагает развернутую интерпретацию взгля-